

Элия Мартелл знала Рейгара Таргариена лучше, чем кто-либо другой, но даже она не ожидала такого поворота событий.

Когда ее муж выиграл турнир в Харренхолле, одолев собственного брата в финальном поединке после того, как оба Таргариена сломали двенадцать копий о щит друг друга, Элия и всё королевство было уверено, что наследник Железного трона коронуется ее королевой любви и красоты. Отнюдь не гордыня и не уверенность в собственной неотразимости заставляли ее верить в это; просто победитель турнира обязан короновать свою жену. Так было всегда, и так будет всегда.

Поэтому, когда наследный принц Драконьего Камня обошел королевскую ложу и возложил корону из зимних роз на голову девушки Старк... Элия, мягко говоря, опешила. Ее союз с Рейгаром не перерос в любовь, но он был счастливым. По крайней мере, для самой Элии. Она считала счастливым и Рейгара, вплоть до того дня, когда стало известно, что он украл Лианну Старк.

Сам принц Таргариенов никак не уведомил несостоявшуюся жену о происходящем, ни до своего поступка, ни после. Он ничего не сделал, чтобы смягчить удар. По правде говоря, она всё ещё не до конца осознала случившееся, и больше беспокоилась о своих детях, чем о себе.

Рейнис всего два дня от роду, и Эйгон тоже еще младенец, так что ужас предательства их отца по отношению к матери дойдет до них лишь через несколько лет. Однако война, которую начал Рейгар вместе с безумным Королем, угрожала им здесь и сейчас.

Долина подняла свои знамена; вполне логично, что Север и Штормовые земли сделали то же самое. Король Эйрис, в свою очередь, призвал вассалов после ужасающей тирады, в ходе которой он заживо сжег гонца диким огнем... Элия не была уверена, сколько лордов откликнется после такого. Прозвище «Безумный король» — вполне заслужено, в то время как Джона Аррена уважали во всем Вестеросе.

Элия была тихой, но не глупой; если восстание победит, ее дети станут угрозой для того, кого предатели выберут королем.

А в Игре Престолов угрозы устраняются. Насильственно.

— Элия, — прозвучал богатый баритон, и сердце дорнийской принцессы замерло, когда она повернулась к его источнику.

На мгновение Элии показалось, что вернулся ее муж и уверенно направляется к ней. Но нет, этот мужчина был на несколько дюймов выше, шире в плечах и груди, с бородой и лицом, которое пусть и оставалось привлекательным, но не обладало такой притягательной красотой, как у Рейгара.

— Эйлор. — Поприветствовала принцесса, искренне радуясь возвращению своего доброго

брата.

По мнению Элии, Дракон Сумеречного Дола был единственным Таргариеном, у которого голова крепко сидела на плечах, и при этом была не пустой. Недавний промах ее мужа только подтвердил это мнение. Хотя он часто бывал в Сумеречном Доле, правя, как и положено лорду, он всё же часто посещал Королевскую Гавань. Второй принц Таргариенов любил свою племянницу Рейнис и был очарован малышом Эйгоном, а порой и вовсе казалось, что он заботится о детях своего брата больше, чем сам брат. Финальным аккордом, после которого Элия стала считать его другом, стало то, что Эйлор крайне агрессивно обругал своего старшего брата в Харренхолле... его ярость была столь велика, что можно было подумать, будто он вот-вот вцепится в Рейгара.

На эту ярость было страшно смотреть; в тот миг, когда его фиалковые глаза распахнулись, зрачки сузились до маленьких точек, а мускулистые руки начали крушили всё, что попадалось на пути... в этот миг Эйлор казался поистине безумным. Ещё более ужасающим было то, что акт вандализма и криков прекратился одновременно: секунду назад отломал спинку стула, а в следующую — спокойно сел на то, что осталось, и начал задумчиво анализировать ситуацию.

Если когда-нибудь Эйлор станет королем Вестероса... и его постигнет безумие, но при этом он сохранит свою хитрость с хладнокровием... миру настанет конец.

Однако это дело будущего, которое может и не наступить. Сейчас же Элия просто была рада видеть доброго брата своего предателя-мужа.

Они остановились в нескольких футах друг от друга. Эйлор поклонился, а Элия сделала формальный реверанс. Улыбка лорда Сумеречного Дола была теплой и знакомой, и он положил руку ей на плечо, ободряюще сжав его.

— Как поживает моя самая любимая дорнийская женщина?

Элия по-девичьи хихикнула и нарочито отстранённо хлопнула Эйлора по руке, чтобы тот убрал её.

— Самая любимая? Я единственная дорнийка, которую ты знаешь.

Ухмылка Эйлора стала еще шире.

— Вздор! Если помнишь, я довольно хорошо связан с твоей личной служанкой, Таланой. Это прекрасная девушка, с длинными ногами и впечатляюще гибким... всем.

Принцесса ехидно рассмеялась, закатив глаза, хотя ее улыбка стала еще шире.

— Конечно, как я могла забыть? Она говорила о тебе неделями, рассказывая о том, как принц-

дракон сбил ее с ног.

Оный Принц-дракон озорно ухмыльнулся.

— Если память не изменяет, то это она сбила меня с ног.

Они засмеялись. И смеялись долго, даже слезинка выступила. Со стороны могло показаться, что у Элии лёгкая истерика... вполне возможно, что так оно и было, но девушка не сопротивлялась этой истерике. Боги и вечные Небеса свидетели — в последнее время в её жизни почти не было смеха или радости, и даже вечно весёлый Эйлор, которому всегда удавалось вызвать у нее улыбку, отсутствовал. Она слышала, что он прибыл в Королевскую Гавань в тот самый день, когда Старки пришли требовать освобождения Лианны, и уехал той же ночью. Она не могла его винить. Все в Красном замке знали об одержимости короля огнем и о том, как он... удовлетворяет свои низменные потребности. Крики королевы было ужасно слышать.

— Как дети? — Спросил принц, вырвав из неприятных воспоминаний. Глаза принца загорелись при мысли о племяннице и племяннике.

— Рейнис сейчас с Ашарой, возится с ее котенком.

— Ах да, печально известный Балерион Черный Ужас.

Элия вздохнула с ноткой отчаянья.

— Уверяю тебя, титул вполне подходящий. Эйгон со своей кормилицей. Я уже на пути туда.

— Я обязательно навещу их обоих, пока буду здесь. Я купил новую куклу для Рейнис, привезенную из Волантиса. У нее обсидиановые глаза, такие же черные, как у Балериона, и волосы цвета кукурузного шелка.

Элия не удивится, если радость принца от подарка окажется даже большей, чем её дочки. А ведь Рейнис очень любила подарки, и особенно кукол. Однако странного в этом, по мнению Элии, ничего нет. Детство и юность обоих принцев Таргариенов нельзя назвать особо радостным, и каждый из них по-своему компенсировал это. Дарить другим счастье, которого сам был лишен — один из таких способов.

— Ты определенно балуешь ее. — Причина ее прежних опасений внезапно вернулась в полной силе, и ее веселье быстро рассеялось. — Не то, чтобы я не рада тебя видеть, но зачем ты здесь? Твой отец послал за тобой только сегодня утром.

Улыбка Эйлора сразу же померкла, сменившись серьезным выражением. Опять... опять ощущение какой-то неестественности. Миг назад он радовался словно дитя малое, но меньше,

чем за секунду, разгладились добрые морщинки вокруг глаз, а из самих глаз исчезло всякое тепло.

— Не нужно быть гением, чтобы понять, как Джон Аррен отреагирует на требования моего отца. Я уже созвал свои знамена. Они стоят лагерем за городом.

Надежда Элии Мартелл на то, что, возможно, удастся избежать войны, оставив её саму и её детей в безопасности, — насколько может быть безопасным замок с Безумным Королем, — окончательно умерла в этот момент.

— Понятно. Значит, вы идете на войну.

Эйлор кивнул; лицо его было мрачным.

— Я намерен рассеять войска Повелителей Бури прежде, чем они смогут собраться в кулак.

— Север тоже восстал против нас.

Принц стал ещё более хмурым, хотя, казалось бы, куда дальше?

— Речные земли тоже восстанут. Я предложил себя в жены одной из дочерей Хостера Талли и получил его ответ за несколько часов до нашего отбытия. Он заявил, что его старшая скорбит по недавно задушенному суженому, и что он не будет рассматривать предложения для младшей, пока Кейтилин не поправится и не выйдет замуж.

Ответ однозначный, и его составитель даже не особо потрудился над тем, чтобы скрыть истинный смысл.

— Нелепица.

— Да. Полагаю, у Талли другие планы для своих дочерей, и я готов поспорить, что эти планы связаны с мятежными домами.

Элия почувствовала, как растет её беспокойство, но она не знала, чувствовать ли ей вину или ярость:

«Четыре из восьми регионов, — половина королевства, — и все восстали из-за того, что я не смогла угодить своему мужу?»

— Сколько у тебя воинов?

— Пока шесть тысяч. Я соберу больше.

— Король разрешит тебе идти?

Эйлор пожал плечами.

— Король не сможет остановить меня. Я не буду сидеть сложа руки, пока он и мой брат уничтожают династию, для создания которой потребовались выжженные поля и реки крови.

Элия медленно кивнула.

— Значит, от Рейгара тоже нет вестей.

Желваки принца сжались, зрачки вновь уменьшились... но всё быстро пришло в норму, и он ответил относительно спокойно:

— Никаких. Я попрощаюсь с тобой и детьми, прежде чем мы отправимся в путь. А сейчас мне нужно к отцу.

Элия кивнула.

— Удачи. Если поедешь в сторону Дорна, то наверняка встретишься с авангардом моего брата. Командовать им, скорее всего, будет Оберин. Вдвоем вы составите силу, с которой придется считаться. — Она быстро обняла своего доброго брата. — Береги себя, Эйлор. Королю с каждым днем становится всё хуже.

— Ты тоже, Элия. Я все исправлю, клянусь.

Глядя, как удаляется прямая спина Сумрачного Дракона, принцесса Дорна не могла не задаться вопросом: останется ли к концу этой войны хоть что-то, что можно было бы исправить?

<http://tl.rulate.ru/book/80678/2557723>